

Глава 99. Суд Круглого стола

При этих словах лицо Зака на мгновение окаменело.

Ли Цзяньчуань невольно вскинул бровь, поймав эту мимолетную реакцию.

— Похоже, выбрав фигуру Епископа справа и заполучив личность адвоката Зака, вы уже тогда догадывались о существовании Станции юридической помощи?

Ли бросил на него быстрый, пронизательный взгляд и усмехнулся.

— Смею предположить, больше всего вам хотелось занять мое место... Но, увы, я выжил. Ваша попытка убить меня провалилась, и вам не осталось ничего иного, кроме как довольствоваться ролью Епископа справа. Если статус фигур отражает иерархию внутри организации, то после Епископа слева — старого начальника — именно Епископ справа должен обладать наибольшим весом и доступом к тайнам, уступая лишь самому Королю. Вы сделали верный выбор. Вот только до входа в эти Врата ни я, ни Преторианец не подозревали о скрытых свойствах фигур, а вы — знали. Господин епископ, не слишком ли жирный «чит» вы себе выхлопотали?

Слова звучали лениво и даже небрежно, но холодный блеск в глазах мужчины давил на собеседника с тяжелой, почти осязаемой силой.

Зак криво, неестественно усмехнулся.

— Вижу, вы времени даром не теряли.

— И узнал немало, — подтвердил Ли Цзяньчуань.

— Шахматные фигуры, те самые «истинные личности», о которых твердит Круглый стол, наши поступки и то, как нас воспринимают окружающие — всё это звенья одной цепи. Но подозреваю, что чем выше статус выбранного персонажа, тем больше преимуществ он дает и тем меньше прямых зацепок оставляет. Если бы я не задался целью и если бы удача не улыбнулась мне, я бы до конца игры не нашел ни дома Лоса, ни единого намека на его прошлое.

— Истинная личность постепенно подчиняет себе наше сознание.

— Она заставляет нас игнорировать очевидное, исподволь управляет волей, подталкивая к образу мыслей и действий, присущему персонажу. И происходит это настолько естественно, что мы сами не замечаем подмены. Посмотрите на Андре. Сомневаюсь, что Рыцарь в реальности — маньяк-убийца, но сейчас он практически неотличим от подлинного Андре.

— Во Вратах, принадлежавших ему в деле на Тюльпановой авеню, он, скорее всего, пролил немало крови. И почему правила игры помогали ему, даруя покровительство? Я с малых лет усвоил: бесплатных обедов не бывает. Если тебе что-то достается даром — значит, еда отравлена, а за щедростью скрывается злой умысел. У меня есть все основания полагать, что правила потворствовали Рыцарю лишь для того, чтобы он окончательно вжился в роль и стал Андре.

Ли Цзяньчуань коротко рассмеялся.

— Разумеется, эта обработка касается и всех нас, просто на Рыцаре она была видна лучше всего. По крайней мере, до того как стать Лосом, я не был склонен к столь длинным и душеспасительным беседам. А сейчас, глядите-ка, я даже позаботился о том, чтобы вы оба удачно переродились.

Зак сверлил его мрачным взглядом, а Комон, напротив, задумчиво опустил глаза.

Ли Цзяньчуань сухо хмыкнул, отвернулся и продолжил.

— Судя по тем бредовым диссертациям Лоса, я могу представить, во что верят эти безумцы и каков их идеал. Правосудие, полное дыр, издевающееся над слабыми и ставшее игрушкой в руках власть имущих, вызывало у них ярость. И эта ярость породила монстра — идею о создании нового порядка.

— Я изучил дела, которые вел прокурор. Большинство из них безупречны. Справедливость торжествовала: угнетенные получали защиту, а богачи, привыкшие обходить закон, оказывались за решеткой. У него была своя шкала ценностей: он не пасовал перед деньгами и властью, не отворачивался от бедняков. К настоящему времени Лос в глазах горожан почти обожествлен. Он — живое воплощение закона и правды. Но он человек, а не бог.

— Власть человека никогда не должна стоять выше правосудия. Ибо человеком движут желания, а желания неукротимы. Лос и его Станция не восстанавливали порядок — они низвергли правосудие с пьедестала, превратив его в инструмент. Когда люди перестают верить в закон как таковой, они делают первый шаг к хаосу, сами того не осознавая. Справедливость убивает не закон, а люди, которые им распоряжаются.

— И ради этой мифической «перестройки» были принесены жертвы: жизни в «Доме уединения», смерть молодого господина Скотта, сомнительная победа Наннали в суде, оправдание Андре...

— Говорят, что любой новый мир строится на крови. Но стоит ли этих жертв власть, прикрывающаяся маской добродетели? Или, правильнее сказать, стоят ли этого те, кого «назначили» жертвами? Круглый стол был прав: «Истинная цель Станции юридической помощи — фальшивая справедливость для ничтожных духом». Такой «справедливости» не нужны истина и общественный порядок, ей нужны новые привилегии.

— «Закон, созданный ради интересов горстки людей — не закон». Сколько бы обездоленных ни спасла организация, это не смоет с их рук кровь невинных. Они убийцы, которые упиваются своей безнаказанностью. Проповедовать истину, попирая её ногами — не в этом ли суть этих паразитов, старательно пудрящих себе лица?

Ли Цзяньчуань презрительно фыркнул. Холодное отвращение застыло в его чертах. Нет ничего более омерзительного, чем самодовольный святоша.

Переведя дух, он мельком взглянул на леди Мофи, чье лицо исказилось в явном замешательстве. Его голос стал мягче, приобретя ленивую, тягучую интонацию.

— Вернемся к хронологии. Семь лет назад, в 2002-м, Лос явился к господину Морку за поддержкой. Он грезил о новом обществе, о новой вере в закон. Морк указал ему на дверь. Тогда Станции еще не существовало — был лишь прокурор и его амбиции.

— Позже он спелся с леди Мофи, и они избавились от Морка, прибрав к рукам его состояние. Тут есть важная деталь: леди Мофи, будучи затворницей, лишенной свободы передвижения и влияния, не смогла бы действовать в одиночку. Ей нужен был сообщник внутри дома, кто-то, кто помог бы устранить хозяина тихо и без свидетелей. И я подозреваю старого дворецкого.

— У господина Морка был скверный характер, он не отличался добротой к слугам. Когда я говорил с дворецким, в его словах не было почтения к господину — лишь застарелая обида и едва скрываемое презрение. Без его участия эта связь между Лосом и леди Мофи, как и столь своевременная смерть хозяина, была бы невозможна. Кто, как не он — человек, знающий поместье как свои пять пальцев, обладающий властью над прислугой и пользующийся доверием — лучше всего подходил на роль сообщника?

— Заполучив деньги леди Мофи, Лос нашел Джонса и сделал его своим казначеем. Я покопался в компьютере Джонса: его «левые» доходы и подозрительные финансовые операции начали появляться именно в 2002 году. Источники этих средств невозможно отследить, но, скорее всего, это и была доля Лоса.

— Связь между Джонсом и Лосом на первый взгляд неочевидна. Но когда я разыскал дом прокурора, то заметил одну деталь: дорогу перед его виллой вымостили редким серым гравием, смешанным с каменной крошкой. Материал дорогой и приметный. В Мейне я видел его только там, а на обуви и брюках Джонса остались именно такие серые следы.

— Он был там частым гостем. И сомневаюсь, что в том элитном районе живет кто-то еще, имеющий отношение к нашей тайне.

Ли сделал паузу, насмешливо вскинув бровь.

— Итак, деньги есть. Теперь нужны люди и штаб-квартира. Я пытался найти адрес Станции, но его нигде нет. Смею предположить, что их убежище либо постоянно меняется, либо надежно

скрыто от посторонних глаз.

— Раймонд проговорился, что тесно связан с Лосом и Джонсом. У Джонса была членская карта салона под номером N2. В его кабинете я нашел шахматного Рыцаря, чье сокращенное обозначение — «N». N2 — второй рыцарь. Джонс погиб здесь, в салоне. Он проглотил орудие убийства, и Раймонд явно что-то об этом знает. Если он не убийца, то, как минимум, свидетель. Но об этом позже. Судя по поведению Раймонда и Джонса, я уверен: первым местом встреч заговорщиков был именно этот гадалый салон.

— К тому же для Лоса того времени Раймонд был идеальной кандидатурой. Мейн — город маленький, все друг друга знают, и проворачивать темные дела здесь непросто. Но Раймонд — чужак. Одиночка без связей и власти, которым легко манипулировать. Гадалый салон — идеальное прикрытие: сюда могут приходиться люди из любых сословий, сохраняя анонимность, и это не вызовет подозрений. Сколько бы членов ни появилось у Станции в будущем, какие бы заказы они ни выполняли — их визиты к гадалке всегда выглядели бы естественно.

— Лос предложил Раймонду сделку: он поможет его угасающему бизнесу расцвести. Так появилось дело о семерых душевнобольных. Зацепок по нему почти нет, но горожане до сих пор свято верят, что Раймонд обладает чудодейственной силой, способной возвращать разум. Однако правила игры гласят: в этом мире нет места мистике.

— Это означает, что никакой магии здесь нет и в помине. В реальности всё, что происходило на протяжении этих восьми лет, имело вполне земное объяснение. У Раймонда нет способностей. А значит, история с исцелением безумцев — не более чем спектакль. Не верю я в обряды, лечащие одержимость за один вечер.

— Раймонд играл свою роль, а «больные» — свою. Ведь до этого случая все семеро были совершенно здоровы, и после того как Раймонд их «спас», они снова стали нормальными. И никто не заподозрил подвоха лишь потому, что вмешалась полиция, придав делу официальный статус и вес. Но раз всё это было ложью, значит, и полиция лгала. И тут, полагаю, не обошлось без прокурора Лоса.

Ли Цзяньчуань на мгновение замолчал. Его кадык дернулся — горло окончательно пересохло. Он медленно обвел взглядом застывших NPC и напряженных игроков.

Эмоции на лицах противников больше невозможно было скрыть. Леди Мофи в упор смотрела на него, и её темно-зеленые глаза напоминали ядовитых змей, готовых к броску.

Ли небрежно усмехнулся. Он чувствовал себя в ударе — настоящий рассказчик, владеющий вниманием аудитории. Не обращая внимания на ярость женщины, он продолжил.

— Раймонд принял помощь Лоса, став его союзником. Тогда же он узнал о существовании Джонса. В то время организация прокурора состояла лишь из казначея Джонса и Раймонда, который оставался на правах доверенного лица. А потом наступил следующий год.

— 2003-й. Служанка Бекка трагически гибнет на лестнице поместья Мофи, а легенды о призраках «Дома уединения» продолжают будоражить умы. На выставке картин леди Мофи происходит первая встреча Лоса и Комона. К тому времени Зак уже стал частым гостем в поместье. Выходит, адвокат примкнул к Лосу где-то между смертью Морка и гибелью служанки.

— К моменту смерти Бекки этот человек уже успел втереться в доверие к маленькому господину Скотту и даже возил его в город — водонапорная башня Мейна не зря появилась на рисунках мальчика. И именно в этот год детектив Зак превратился в «адвоката-добровольца» из Станции юридической помощи. Я делаю вывод: организация была официально создана и начала пополняться новыми членами. Он был одним из первых. На него же возложили обязанность поддерживать связь с леди Мофи.

— Год спустя, в 2004-м, умирает мисс Ил.

— Скотт не убивал её собственноручно, но её смерть стала следствием его жестокой выходки. В ту же ночь мальчик исчез. И это не было инсценировкой Зака или леди Мофи — он пропал по-настоящему. Хозяйка поместья искала свой источник вдохновения. Зак искал Скотта, который мог знать слишком много его секретов.

— Вскоре Дело о похищении и торговле детьми было раскрыто. Оказалось, Скотта действительно выкрали работоторговцы, и он был среди спасенных. На первый взгляд — обычное совпадение. Но люди, причастные к этому делу, вызывают массу вопросов. Тут и Андре, донесший на логово похитителей, и Боб, отличившийся при задержании, и Зак, лично забравший Скотта...

— Это дело связало их воедино. Или, скорее, именно тогда они начали работать сообща. Все эти люди стали частью Станции юридической помощи. Влиятельный начальник полиции стал Епископом слева, громила Андре — Рыцарем, а Боб тоже получил свою шахматную фигуру. Это объясняет, почему Андре и Боб так слепо доверяли друг другу.

— Но вот что интересно: Зак спас Скотта только для того, чтобы позже убить его, обставив всё как дело об исчезновении школьного автобуса. В «Доме уединения» леди Мофи подтвердила мои догадки. У Скотта и Зака были свои секреты. Мальчик узнал нечто лишнее, и адвокат решил устранить угрозу. Когда школа отправилась на экскурсию, он подговорил Андре и еще троих водителей устроить «несчастный случай», а Боб позаботился о том, чтобы записи с камер исчезли.

— Пропажа автобуса выглядела куда естественнее и вызывала меньше подозрений, чем прямое убийство ребенка. Судьба остальных детей Зака не волновала. Что до Лоса, этого поборника правды... Он вел Серию убийств на Тюльпановой авеню и не мог не знать истины об автобусе. Но в тот момент его хваленая справедливость вдруг дала осечку — он предпочел «забыть» о ней.

— Он выбрал укрывательство. Некоторые, не имея власти, громче всех кричат о равенстве и

честности, клянутся пожертвовать всем ради великой цели. Но стоит им переступить порог и стать новой элитой, как они начинают творить то же самое беззаконие, прикрываясь старыми лозунгами. А порой их дела становятся еще безумнее.

Истинная справедливость — ноша непомерная.

Ли Цзяньчуань не отрицал: за эти годы Лос и его банда помогли многим. Они исправляли ошибки системы и карали виновных. Но это не отменяло того факта, что сами они — кучка корыстных и фанатичных безумцев. Доброта и честность легко даются на словах, но истинная их цена видна лишь тогда, когда на кону стоят твои собственные интересы. Правосудие не может существовать там, где выгода правит бал.

Мужчина насмешливо опустил взгляд и холодно улыбнулся.

— В самом деле, когда убивает кто-то другой — это преступление. Когда убиваешь ты сам — это «необходимая жертва во имя высшего блага». Что до Серии убийств на Тюльпановой авеню, мы плавно подходим к 2007 году. Прошло три года со смерти мисс Ил и гибели автобуса. Я поспрашивал людей: Лос и остальные — в особенности сам Лос — обрели свое нынешнее величие именно в 2007-м. Весь город признал его «богом правосудия» после того, как он раскрыл серийные убийства.

— Конечно, в той реальности, где не было игроков, дело закончилось арестом Салливана. Улики были неоспоримы. Но на самом деле убийцей был Андре. Когда я сам проходил через этот сценарий, я не до конца понимал мотивы всех участников. Теперь же картина сложилась полностью.

Ли Цзяньчуань замолчал на мгновение. Оглядев застывшее черно-белое пространство, он глухо произнес.

— Послушай, Пандора, будь человеком — организуй стакан воды.

Зак вскинул голову и посмотрел на него как на идиота. Чтобы игрок что-то требовал у самой Системы? Неслыханно.

Но секунду спустя прямо перед Ли из воздуха соткался прозрачный стакан, на три четверти наполненный чистой водой. Учитывая, что он не мог пошевелиться, Система любезно снабдила стакан соломинкой, вложив её край ему в рот. Сервис был безупречен.

На лице Зака проступила гримаса крайнего недоумения. Комон тоже едва заметно нахмурился, мельком взглянув на леди Мофи, чье лицо потемнело от гнева.

Ли Цзяньчуань проигнорировал их переглядывания. Не сомневаясь в качестве подношения, он жадно сделал несколько глотков, а затем, продолжая сжимать соломинку зубами, невнятно

проговорил.

— Если связать события на Тюльпановой авеню с тремя делами 2004 года, то всё выглядит так. В ночь выставки Скотт тайком вернулся в поместье. Мисс Ил погибла по его вине, а самого мальчика выкрали настоящие работоторговцы. Он пропал. Затем — донос Андре, расследование Боба и «спасение» ребенка Заком. Но Скотт увидел то, чего не следовало, и тот вынес ему приговор.

— Во время школьной поездки Зак связался с Андре и тремя другими водителями, чтобы подстроить аварию. Улики были уничтожены Бобом и его людьми — записи с камер просто «исчезли». Если бы не Серия убийств на Тюльпановой авеню три года спустя, никто бы и не подумал, что в гибели автобуса виноват не случай, а чей-то злой умысел.

— То, что произошло через три года, немного отличается от моих первых догадок. Тогда я не понимал, зачем четверем водителям понадобилось устраивать ту катастрофу. Теперь ясно: целей было две. Первая — связать их одной кровью, вторая — своего рода естественный отбор. Зак нанял четверых, чтобы они сделали за него грязную работу. Но за три года трое из них начали давать слабину. Совесть, страх разоблачения, тяжесть вины перед близкими — у каждого была своя причина для нервного срыва.

— Убийство — штука непростая. Если у человека осталась хоть капля рассудка, груз содеянного раздавит его. Это неизбежно. Эти трое либо начали колебаться, либо задумали шантаж, а может, решили свалить всё на Андре и Зака... Так или иначе, они стали опасны. И Андре это почувствовал.

— А этот громила, как мы знаем, нормальным не назовешь. Умный, хитрый, безумный... Он мастерски скрывал свою натуру. Почувяв угрозу, он убедил двоих подельников, что кто-то из их группы собирается их сдать, и заставил их нанести удар первыми. Действуя по этой схеме, он искусно стравил их между собой, убирая одного за другим, пока не остался единственным выжившим.

— И тогда Станция выбрала его своим «Рыцарем». Думаю, в этом и заключался «отбор» Зака. Четверо крепких мужиков, без семей, социальное дно — идеальный материал. Но чтобы вырастить из них истинного монстра, нужна была удача.

— Три года тишины говорят о том, что Андре не сразу подошел на эту роль. Его истинный талант убийцы раскрылся только в Серии убийств на Тюльпановой авеню. Салливана выбрали козлом отпущения лишь потому, что он когда-то повздорил с этой четверкой и в сердцах грозился их убить. Когда водители начали гибнуть один за другим, а единственный выживший — Андре — «сошел с ума», подозрения с него сняли. Салливан стал идеальным кандидатом в убийцы.

— Позже на местах преступлений начали «находить» вещи Салливана, а его алиби оказалось шатким. Его судьба была предрешена. Но для окончательного приговора не хватало прямых улик. И тогда этот богатенький сынок вышел под залог.

— Не знаю, приложила ли к этому руку организация, но последующая травля в прессе точно была их рук делом. Именно этот шквал общественного негодования превратил заурядное убийство в «дело века», за которым следила вся страна. Фэйр, Лаун... родные погибших водителей получили визитки Станции юридической помощи как раз в тот момент, когда Салливан вышел на свободу. Лозунги организации — защита слабых и борьба с продажным правосудием — пришлось как нельзя кстати.

— Люди обратились за помощью, надеясь, что те помогут отправить Салливана за решетку, из которой он выкупил себя за деньги. Эффект превзошел все ожидания. Самоубийство Лауна, прыгнувшего с крыши бизнес-центра, всколыхнуло город. Газеты захлебывались от восторга, толпа требовала крови обвиняемого. Фэйр тоже должен был погибнуть — и если бы не игроки, его тело послужило бы отличным топливом для костра народного гнева.

— Альберт, старший брат маленького Альберта, заподозрил неладное. Он пытался копать сам, искал связи, но его усилия предсказуемо зашли в тупик. Под таким давлением у Салливана не было шансов, даже с его деньгами. Тем более что Боб и компания вовремя «подсуетились» с новыми доказательствами.

— Его признали виновным под рев разъяренной толпы. Он наверняка пытался подавать апелляции, клялся в невиновности, но присяжные были неумолимы. В атмосфере столь массовой истерии ни один человек не сохранит беспристрастность. Так закончилась Серия убийств на Тюльпановой авеню. Салливан сел, страсти улеглись. А Лос, оседлавший эту волну народного гнева и вернувший «справедливость» беднякам, из влиятельного чиновника превратился в национального героя.

— Вот она — истинная власть и слава. В тот же год Зак завершил дело Наннали, которое осталось почти незамеченным в тени процесса над Салливаном. Кажется, что история женщины — лишь рядовой эпизод в практике Станции юридической помощи. Но если взглянуть на все дела, предложенные Круглым столом, становится ясно: каждое из них — это ложь, созданная членами организации.

— Этот случай не исключение. Зак не мог не знать правды. Ради обычного заказа они не стали бы так рисковать репутацией. К тому же в этом деле есть две детали, которые не дают мне покоя. Первая — ребенок-аутист, с которым Наннали пришла к Рону. Вторая — посылка с языками, завернутыми в старые газеты. Сами по себе они кажутся бессмысленными. Но если вспомнить о детях, фигурировавших в других раундах, на ум приходят лишь торговля людьми и исчезнувший автобус.

— В автобусе выживших не было. А вот среди спасенных детей на снимке с Бобом и Андре я разглядел мальчика, удивительно похожего на сына этой женщины. Я видел его карточку в первом раунде. Дети быстро растут, за два-три года черты лица меняются, но костная структура остается прежней. Был ли это её сын — вопрос открытый. Но связь Наннали с похитителями детей — факт почти доказанный.

Ли Цзяньчуань помрачнел и перевел взгляд на Наннали. Хрупкая блондинка с мягкими чертами лица казалась воплощением кротости. Но он знал: эта маска — её самое опасное

оружие.

— Целая коробка газетных вырезок трехлетней давности. Почти все они — объявления о пропаже детей. Их было гораздо больше, чем тех, кого удалось спасти. Куда делись все те остальные дети?

Мужчина сделал паузу и добавил.

— Поразительное совпадение: во втором раунде, в Серии убийств на Тюльпановой авеню, я нашел точно такую же коробку в лачуге маленького Альберта. Оба дела произошли в один год, и вырезки в обеих коробках были трехлетней давности. Видите связь?

Ли Цзяньчуань криво усмехнулся.

— Признаю, прямых улик у меня нет. Но леди Мофи, раз уж вы нас слышите, ответьте: как на самом деле зовут того психолога и семейного врача, что живет в вашем поместье? И не Наннали ли это, часом?

Женщина выпрямилась, её взгляд стал колючим.

— Неужели вы думаете, что я стану отвечать?

— Станете, — Ли посмотрел ей прямо в глаза, чеканя слова. — В этой игре много сторон и много путей. Но вы не пошли к Епископу слева, а выбрали Комона. Значит, ваши интересы и цели тех, кто стоит за Заком, не совпадают. Ваша уклончивость в «Доме уединения» тоже о многом говорит. Вы не мой враг, но и возможности убить меня не упустите. Однако если цена моей смерти окажется слишком высокой, вы предпочтете отступить.

— А значит, мы можем договориться. Я всё еще склонен доверять вашему слову.

Леди Мофи холодно рассмеялась.

— К чему эти красивые речи, Король? Вы всё такой же краснобай, как и раньше. Вы мне не верите — у вас просто нет иного выхода. Ваше предложение занятно, но сделки не будет. Вам нужна Пандора, и мне тоже. Вот наше главное противоречие. В «Доме уединения» я отвечала лишь потому, что вы явились туда слишком рано. Вы еще не пробудились и были не в состоянии забрать магический ящик. Но теперь вы начали приходить в себя, и это делает вас опасным.

Ли Цзяньчуань заметил, как изменился её тон. Это не было холодностью незнакомки. В словах женщины прозвучали нотки старой вражды, а неприязнь стала почти осязаемой. Они определенно знали друг друга в прошлом. Вспомнив свои результаты и туманные намеки Нин Чжуня, мужчина окончательно убедился: он уже играл в эту игру. И это пугало больше всего.

Его память была безупречна, он помнил каждый день своей жизни за последние двадцать лет. Никаких провалов, никаких лакун. Так кто же стер из его жизни всё, что касалось Пандоры?

Ли опустил взгляд, скрывая затаенную ярость. Помолчав, он медленно улыбнулся и пожал плечами.

— Что ж, леди Мофи, ваши слова подтвердили мои догадки. Врач из поместья — это действительно Наннали. А значит, она связалась со Станцией юридической помощи еще во времена «Дома уединения». Это объясняет, почему Зак так рьяно защищал её в суде. И ту посылку с языками ей прислал маленький Альберт.

— Альберт получил деньги за убийство Скотта вместе с остальными. Вы наверняка знали об этом, леди Мофи. Можно даже сказать, что после того как вы выжали из Скотта всё, что могли, вы захотели избавиться от этого неприятного маленького демона, прежде чем он вырастет и всё расскажет. Скорее всего, дело было так: вы с Заком решили убрать ребенка, инсценировав аварию, и наняли четверку Андре. Те узнали, кто вы такие. Через три года деньги у маленького Альберта закончились, и он решил, что пришло время снова потрясти ваш кошелек.

— Он задумал шантаж. В случае отказа он собирался сдать властям — я видел это в его мыслях. И он бы сдал вас всех. В то время вы еще не были полноправными хозяевами города, и такой скандал уничтожил бы вас. Альберт собрал вырезки о пропавших детях и упаковал их в коробку. А те языки... они принадлежали детям, которых так и не спасли.

— Выходит, «герой» Андре, разоблачивший работоторговцев, на самом деле был одним из них. Он просто сыграл роль спасителя, чтобы отвести подозрения. Честно говоря, зная его натуру, я ни на секунду не поверил в его бескорыстие. Они были частью банды. О судьбе настоящих похитителей в новостях упоминалось лишь вскользь — «застрелены при задержании». Удобно, не правда ли?

— Эту жуткую посылку отправили Наннали, а не вам. Думаю, Альберт не хотел ссориться с вами напрямую. Она была врачом в вашем доме, знала всё об организации и о том деле. Более того, её собственный сын мог быть одним из тех детей, которых так и не нашли. Она оставила себе мальчика-аутиста, выдав его за своего. Зачем? Чтобы создать образ несчастной матери и втереться в доверие к кому-то вроде Рона. Самый вероятный мотив. Сомневаюсь, что в ней внезапно проснулась совесть.

— Для этого человека она была легкой мишенью. Но он не учел Андре. И тот его убил.

Ли Цзяньчуань замолчал и коротко рассмеялся.

— Пожалуй, мне повезло, что сейчас Вакуумное время. Будь это экзамен Системы, я бы не набрал и проходного балла. Но вы-то знаете, леди Мофи, насколько я близок к истине. И я знаю, почему вы убили Скотта. Вы читали его дневник? Тот, что дала нам Система? Его мысли совсем не походили на размышления ребенка. Его интеллект пугал...

Мужчина заметил, как дрогнули веки женщины.

— Вот оно что. Вы нашли дневник и поняли: Скотт — не обычный ребенок. Он видел вас насквозь. Вы испугались, что он станет бомбой замедленного действия, которая разнесет вашу жизнь в щепки. И решили нанести удар первыми.

Губы леди Мофи плотно сжались, прочертив глубокие складки у рта.

— Ваша разгадка строится лишь на пустых догадках, Король?

— Логика — это искусство строить верные предположения на основе скудных улик. Мои зацепки реальны, и у меня нет причин сомневаться в выводах. Если ждать прямых доказательств, время выйдет. К тому же вы позаботились о том, чтобы улики не остались. И не пытайтесь сбить меня с толку своей демагогией, — Ли Цзяньчуань усмехнулся. — Или вы тоже начали терять самообладание? Не спешите. Мы еще не закончили с вашими делами.

Он выделил слово «вашими» интонацией. Где-то на грани слуха он уловил свистящий, полный злобы шепот, но не обратил на него внимания.

— В 2007-м Станция юридической помощи окончательно захватила власть над правосудием в Мейне. Реакция политиков на это уже не важна. Сейчас, в 2009-м, я вижу результат. Лос и его поделники процветают. Значит, никто не смог — или не захотел — им помешать.

— Закон — инструмент специфический. У власти было много причин закрыть на это глаза, и мне они не интересны. Важно лишь одно: сегодняшний город, при всей его внешней благопристойности — это частное королевство горстки людей. И прокурор, чья фигура зовется Королем, здесь действительно полновластный монарх.

По мере того как восьмилетняя история Мейна обретала четкие контуры, туман в голове Ли Цзяньчуаня окончательно рассеивался. Он прикрыл глаза, давая отдых уставшему разуму, и продолжил.

— И наконец, последнее дело — смерть Джонса в 2009 году. Пусть оно называется так, хотя я убежден: Джонс покончил с собой. Но в этом самоубийстве слишком много странностей.

<http://bllate.org/book/15871/1571974>